

Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г.

Значительный вклад в победу над неприятелем в ходе Отечественной войны 1812 г. внесли партизанские отряды, действовавшие на разных театрах военных действий. Широкую известность приобрели «партии» и «летучие корпуса» Д.В. Давыдова, А.С. Фигнера, А.Н. Сеславина, И.С. Дорохова и др. Вместе с тем, деятельность других армейских партий, таких, например, как отряды полковника Андрея Ивановича Быхалова 1-го и майора Николая Александровича Тимирова 1-го, почти совсем не исследовалась, и потому остаётся неясным, как квалифицировать их действия и можно ли считать их партизанскими. Исключение составляет краткая заметка о действиях полка Быхалова, написанная Н.П. Поликарповым. О тептярцах «майора Тимирова» краткое упоминание можно встретить в «Дневнике партизанских действий» Д.В. Давыдова, поскольку они некоторое время входили в состав его партииⁱ. В данной работе, на основе опубликованных и выявленных в Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Калужской области делопроизводственных документах военного командования и чинов гражданской администрации, предпринимается попытка осветить и оценить деятельность этих отрядов.

Первоначально в отряд Быхалова входили донские казачьи полки его имени и войскового старшины Д.Д. Комиссарова 1-гоⁱⁱ, а в отряд Тимирова – 1-й Тептярский, шефом которого он являлся, и 1-й Бугский казачьи полки. Накануне Отечественной войны Тептярский полк входил в состав 3-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. 1-й Бугский полк (командующий – есаул С.Ф. Жекул, основной командующий – ротмистр А.Н. Чеченский) состоял при казачьем

корпусе генерала М.И. Платова. Полки Быхалова и Комиссарова должны были присоединиться ко 2-му резервному корпусу генерала Ф.Ф. Эртеляⁱⁱⁱ.

До начала боевых действий Тептярский полк нес охранную службу на р. Неман и 13/25 июня^{*1}

его извещательный пост имел первое столкновение с перешедшим границу неприятелем. В тот же день часть 1-го Бугского полка столкнулась с разездом 5-го гусарского полка капитана Монфора, а вечером у м. Еве уланы 8-го польского полка захватили разезд из состава этого полка. Тептярский полк, находясь в составе арьергарда, принял участие в боях 16, 18 и 21 июня. В 20-х числах июля казаки 1-го Бугского полка использовались для прикрытия обозов 1-й армии, следовавших по дороге из Поречья к Духовщине. Полки Быхалова и Комиссарова, выступившие 25 апреля из Новочеркаска в Мозырь ко 2-му резервному корпусу, в конце июня были включены в состав 2-й Западной армии.

1-й Тептярский полк 22-26 июля был придан авангарду Смоленского резервного корпуса под командой генерала Е.И. Оленина, а затем вошёл в состав отряда генерала Г.В. Розена 1-го^{iv}. Прибывшие из Мстиславля в Ляды полки Быхалова и Комиссарова 26 июля/7 августа вошли в состав отряда Оленина, ставшего авангардом «левого бокового обсервационного корпуса» генерала Д.П. Неверовского. Оленин приказал Быхалову «узнать о неприятеле около Днепра». Во время рекогносцировки казаки взяли в плен офицера по квартирмейстерской части, а два французских шпиона донесли, что казаки захватили французский отряд из 20 человек во главе с

* В тексте все даты приводятся по старому стилю. Даты по новому стилю указываются после дроби. При цитировании сохраняется стиль источника.

лейтенантом (31 июля/12 августа попал в плен инженер-географ-лейтенант Бутино). На следующий день Быхалов известил, что неприятель обнаружен к северу от Ляд в с. Михеевка. 1/13 августа Неверовский сообщил начальнику штаба 2-й армии генералу Э.Ф. Сен-При: «Я строго приказал г-ну Быхалову не позволять распространяться неприятельским партиям для собирания фуража и провианта, но стараться самому в разных местах Могилевской губернии фуражировать и отымать все средства у неприятеля для дальнейшего продовольствия». В послужном списке Комиссарова упоминается о бое, произошедшем 1 августа при м. Ляды.

Ранним утром 2/14 августа Быхалов донес, что неприятель «следует к Лядам, где он с полками имеет свое пребывание». По словам лейтенанта К. Веделя, французы «встретили перед Лядами две сильные казачьи толпы, поддержанные конной артиллерией, и прогнали их лишь после двухчасового боя». Быхалов, который «около недели бесменно нес ответственную службу в авангарде ген.-майора Оленина, 2-го августа», будучи атакован «сильным неприятелем в постах своих у Лядов», с боем отступил к Красному. По словам Неверовского «Быхалов при сем отступлении, лично командуя казаками с неустрашимостью не только отражал его, но сам нападая, побил до 100 человек без всякой со своей стороны потери». Затем Неверовский построил свои войска в 3 верстах позади Красного, разместив казаков на правом фланге. Однако ни казаки, ни харьковские драгуны не выдержали удара значительно превосходящих сил неприятельской кавалерии и поспешно отступили до с. Мерлино, предоставив пехоте в одиночестве совершать свое знаменитое «львиное отступление». На другой день казаки были оставлены Неверовским в Корытне, откуда

затем отошли к Смоленску^v.

После оставления Смоленска Тептярский полк был направлен для прикрытия обозов на Духовщинскую дорогу, а полк Быхалова — выдвинут на левый фланг 2-й армии на дорогу из Дорогобужа в Ельню. С прибытием к армиям главнокомандующего М.И. Кутузова 19 августа был создан общий арьергард армий, в состав которого должны были поступить все казачьи полки 2-й армии. Тогда же на левый фланг 2-й армии был выдвинут и полк Комиссарова. Таким образом, на начальном этапе войны, 1-й Тептярский и донские полки Быхалова и Комиссарова активно действовали, находясь в составе арьергарда, в то время как части 1-го Бугского полка занимались в основном конвойной службой^{vi}.

В отечественной историографии до сих пор считается, будто названные четыре казачьих полка участвовали в Бородинском сражении^{vii}. В послужном списке Комиссарова сказано, что он был в боях 22, 23 и 26 августа при селении Бородине. Однако архивные документы указывают на то, что в день битвы этих полков не было в составе действующих армий. Так, в рапорте командующего войсками в Калужской губернии генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева калужскому гражданскому губернатору П.Н. Каверину от 2 сентября сообщалось, что 26 августа полки Быхалова и Комиссарова разбили у села Воскресенского (на границе Боровского уезда) партию мародеров, взяв в плен 22 чел. При этом у них было обнаружено церковное имущество, направленное Быхаловым Шепелеву. 26 августа Быхалов отправил рапорт П.И. Багратиону, а Тимиров направил рапорт генералу А.А. Краснову, а также отношение в Юхновский земский суд, при котором препроводил 10 испанцев и 2 поляков взятых в плен его отрядом^{viii}. Таким образом, можно констатировать, что указанные казачьи полки не

принимали участия в Бородинском сражении.

Этот факт заставляет внести поправки в количество и состав сражавшихся при Бородино российских войск. Численность полков Быхалова и Комиссарова в рапорте Кутузову от 17 сентября Шепелев оценил примерно в 600 чел.^{ix} Учитывая общую тенденцию уменьшения личного состава казачьих частей, в которых к середине августа сотни насчитывали в среднем по 72 чел.^x, можно предположить, что полки, составлявшие отряд Быхалова, покинули действующую армию в полном составе. О численности отряда Тимирова имеются следующие данные. По словам Давыдова, к 11 сентября в Тептярском полку было 110 чел., в Бугском – 60; по данным Шепелева к концу сентября Тептярский полк насчитывал 120 чел.^{xi} Следовательно, отряд Тимирова имел в своем составе менее 200 чел. Малочисленность казачьих полков могла быть связана с одной стороны с большими потерями (боевыми и не боевыми) и командировками для несения конвойной службы в Бугском полку, а с другой – оставлением какой-то части полков или отдельных чинов при действующей армии^{xii}.

Из сохранившегося чернового текста донесения калужского губернатора Кутузову следует, что полки Быхалова направились из армии по повелению Багратиона «для прикрытия Юхновского уезда». В секретном предписании направленном Каверину Багратионом указывалось, что «по граничности губернии Калужской с Смоленской легко случиться может, что бродяществующие неприятельские партии будут доходить до пределов Калужской губернии, хотя не для действий каковых либо, но единственно для добычи и грабительства», поэтому Багратион приказал «отрядить к стороне Юхнова и Мосальска два конных казачьих полка»^{xiii}. В рапорте Шепелева главнокомандующему

от 3 сентября говорится о движении отряда Быхалова по предписанию генерал-майора А.А. Карпова^{xiv}. Следовательно, для прикрытия границы Калужской губернии главнокомандующий 2-й армией командировал два казачьих полка через Верею и Медынь, которые отправились в путь по распоряжению командующего иррегулярными войсками 2-й армии. Это могло случиться буквально за несколько дней, а то и часов до генерального сражения, возможно в день Шевардинского боя. В этом же направлении для наблюдения за дорогой из Вязьмы в Калугу из 1-й армии был направлен отряд из 1-го Тептярского и 1-го Бугского полков под командой майора Тимирова. Вероятно, это произошло после 16 августа, когда русские армии покинули Вязьму.

По воспоминаниям начальника штаба 1-й армии А.П. Ермолова, при отступлении от Смоленска «неприятель захватывал все возможные дороги, желая огромные силы свои иметь на одной высоте и в теснейшей связи между собою. Это представляло ему удобство угрожать части войск наших быть обойденной и понуждало нас необходимо раздробляться»^{xv}. На правом фланге русских войск с конца июля неприятельским фуражирам и мародёрам препятствовал распространяться «малый корпус» генерала Ф. Винцингероде, а также отряд подполковника Дибича 1-го в г. Белом. Теперь такой же заслон следовало создать и на юге. В принципе, для этой цели в северных уездах Калужской губернии, по распоряжению Каверина от 7 августа, уже была создана система кордонов из вооруженного населения для поддержания порядка и защиты от своих и неприятельских мародеров^{xvi}, а в Юхновском уезде с этой же целью было собрано «поголовное ополчение»^{xvii}. Но оставлять кордоны один на один даже с небольшими партиями противника (в несколько десятков человек) было опасно, к

тому же, об их создании в Юхновского уезде военное командование могло и не знать. Поэтому именно в этот район для борьбы с неприятельскими фуражирами и мародёрами из обеих армий были выделены два казачьих отряда общей численностью примерно в 800 чел.

О том, что фуражиры стремились распространиться к югу от Смоленского тракта свидетельствует, например, рапорт от 22 августа генерала К.К. Сиверса, командовавшего арьергардом 2-й армии. Он сообщил Багратиону из с. Поповка о стычке крестьян д. Торопкино с неприятельскими фуражирами возле д. Подъелки. «Находящийся на левом фланге с полком войсковой старшина Комиссаров, о том известясь, послал партию в леса для истребления сказанных фуражиров». В ходе преследования казаки разбили отряд противника, взяв в плен офицера и 9 рядовых, которые были препровождены к начальнику общего арьергарда генералу П.П. Коновницину. «Дабы очистить левую сторону реки Воря, — пишет Сиверс, — от шатающихся там неприятельских партий и открыть дорогу из Гжатска в Верею, предполагая, что неприятель весьма легко мог послать туда отряд, испрашивал я позволения генерал-лейтенанта Коновницина отправить по сим предметам сильный отряд кавалерии под командой майора А.В. Дуванова с целью остановить несколько дерзкое фуражирование и предприятие его (противника. — *авторы*) партии». На командировку отряда Сиверс просил у Багратиона его одобрения, которое, вероятно, так и не было получено^{xviii}.

Как уже говорилось, первые пленные были направлены Тимировым в Юхновский земский суд 26 августа. Препровождая их шеф Тептярского полка написал: «Взятые в плен 10 гишпанцев партией вверенного мне полка коих препровождаю в оный суд для

отсылки в г. Калугу, а из оного в Москву, которых содержать принадлежащую порцию, отличая от прочих французских и польских пленных, также и двух пленных поляков, в принятии сих снабдит оный суд квитанциею»^{xix}. Содержание отношения указывает на то, что начальник отряда был хорошо осведомлен о правилах содержания военнопленных и имел наставление, куда их требуется препровождать. Отсюда можно предположить, что, покидая армию, Тимиров получил подробные инструкции о том, как ему следует действовать в отрыве от главных сил с вверенными полками.

В этом же направлении 24 августа/5 сентября выступил еще один отряд под командой подполковника Ахтырского гусарского полка Давыдова. При вступлении 27 августа в Медынский уезд Давыдов объявил кордонному начальнику майору Лопатину, что «он откомандирован для охранения от неприятельских набегов». С этой целью 29 августа он направился проселочными дорогами через с. Гусево, Кузово, Азарова в д. Горки, расположенную на северо-западной границе Медынского уезда. В тот же день Давыдов сообщил Сен-При: «Деревня сия в расстоянии от большой вяземской дороги в 20-ти с небольшим верстах. Оттуда поселяне мне будут открывать неприятеля, и я буду делать нападение по инструкции, данной мне князем Петром Ивановичем. В случае отступления я пойду на Медынь, или через Юхнов на Калугу, где полковник Быхалов с двумя казачьими полками меня поддержит». Отмечая, что его отряд «чрезвычайно слаб», имея только 80 казаков и 50 гусар, Давыдов просил начальника штаба приказать Быхалову выделить для него 150 казаков, которых он уже требовал, но казачий полковник «на сие отказался». Следует отметить, что в этом рапорте, в объявлении Лопатину и в «Дневнике партизанских действий» Давыдов указывал

численность своего отряда в 140 чел. Однако, по прибытии 28 августа в Медынь, он сообщил городничему для доставления провианта и фуража иную численность своей команды: 7 офицеров, 45 унтер-офицеров и рядовых, 186 казаков, а также 257 лошадей^{xx}.

К концу августа в Юхновском уезде обстановка была достаточно сложной, несмотря на то, что в уезде были созданы под наблюдением предводителя дворянства С.Я. Храповицкого отряды самообороны из местных жителей. Потеряв связь со смоленскими губернскими органами власти, администрация Юхновского уезда перешла под управление калужского губернатора. Характеризуя обстановку в уезде, Храповицкий 29 августа написал Каверину: «Честь имею донести, что в Юхновском уезде кроме мародеров французской армии ничего еще важного не предвидится. Мародеры же день ото дня усиливаются по всему уезду, а особливо, от Вязьмы верстах в 50, а от Юхнова в 40 и 30, и отбирая насильственно у обывателей хлеб, скот и одежду сопротивляющихся им мучат разными побоями и убивают до смерти и пожигают селения, а паче дома господские и разграбляют церкви, а в некоторых селениях небольшом количестве расположились хлебопечением и швальнями, коих по сие число поражено обывателями до 200 да пленными взято и отправлено в Калугу 112 человек»^{xxi}.

Не менее сложной была обстановка и в пограничных уездах Калужской губернии. В конце августа серьезному нападению подверглась северная часть Медынского уезда. 31 августа кордонный начальник Лопатин рапортовал губернатору, что 28 и 29 августа десять пикетов «неприятельскими партиями разогнаны, деревни близ границы Можайской и Верейской до 10 сожжены и в отражении сего варварства защищая дома свои многие крестьяне до смерти побиты. 30 числа от города Медыни не далее 10 верст неприятельские разъезды видны

были». Известно, что 28 августа около 50 неприятельских мародеров разграбили и сожгли село Дунино. В этот день, по данным Метрической книги сельской церкви Иоанна Предтечи были убиты «села Дунина приказчик Сергей Ефимов 70 лет, вотчины надворного советника Александра Афанасьевича Долгова села же Дунина дворовый человек Клим Трифанов 69 лет, староста Василий Васильев 29 лет, крестьяне Гаврила Иванов 58 лет, деревни Манина крестьянин Иван Иванов 45 лет, деревне Кащеево крестьянская жена Варвара Павлова 51 год, отрок Иван Козьмин 8 лет сожжен французом». 29 августа на бумажную и полотняную фабрики, расположенные близ села Передел, напали «конных и пеших неприятелей до шестидесяти человек вооруженных, начали палить из ружей и пистолетов, отчего зажгли они фабрику и устраша всех бывших там жителей и сторонних людей остались в ней». В конце августа мединский исправник сообщил губернатору, что неприятель «в селе Егорье с деревнями от города расстоянием не более 15 верст жителей разоряет и селения сжигает и в первом убили 2 мужиков, старшине переломили руку, церкви же ломают»^{xxii}.

Тяжелое положение сложилась и в Боровском уезде. «Сего числа, – рапортовал 31 августа Каверину боровский городничий, – многие жители, вернувшись обратно в дома, под видом защищать город, ни чем более не занимаются, как одним лишь пьянством, и вышли совсем из повиновения, ездят вооружены верхами пьяные и без всякого разбора нападают на проезжающих, бьют, грабят как истинного неприятеля. Столь необыкновенные деяния жителей без воинской команды, хотя и приняты мною с помощью исправника и стряпчего надлежащие меры, удержать невозможно. Что же касается до неприятеля, то имеем верное от вырвавшихся из их рук крестьян

известия, что оне около десяти верст от города, отбивают обозы и грабят деревни. По слухам их число не более двух сот простирается. Почему и решились мы с помощью добронадежных граждан дать им отпор коль скоро появятся в городе»^{xxiii}.

Таким образом, вторжение неприятельских отрядов явилось серьезной угрозой для территорий, лежавших к югу от Смоленского тракта. Кордонная стража не могла самостоятельно справиться с партиями фуражиров и мародёров и оградить населенные пункты от грабежа и разорения. Для защиты пограничных уездов требовалось усилить отряды самообороны боеспособными частями, в которых чувствовался острый недостаток. Поэтому Шепелев остановил следовавший в Юхновский уезд казачий отряд Быхалова и направил его на борьбу с неприятельскими партиями в Калужской губернии.

31 августа Шепелев получил от Быхалова донесение о том, что, двигаясь к Юхнову, вверенные ему полки расположились в с. Товарково и д. Рожестве (Рожествино) на южной границе Медынского уезда. В тот же день командующий войсками в губернии, получив сведения о бесчинствах неприятеля в с. Дунино и волнениях в Боровске, вызванных приближением противника, предписал Быхалову «отрядить 200 казаков к городу Боровску для защищения безопасности оною с тем, чтоб он растянул от Полотняного Завода в Медынском уезде состоящего цепь до города Боровска, и от того ж Завода таковую сделал по Мосальскому уезду для защищения больших дорог и других трактов ведущих сообщение с сими городами и самою Калугою». Кроме того, Шепелев потребовал, чтобы Быхалов «для отыскания неприятельской партии сожегшей селение Дунино отрядил 200 же человек казаков, с тем чтобы он непременно сих хищников нашел и истребил». В тот же день это предписание было направлено Быхалову

через калужского губернатора, который, описав сложившееся в Медынском уезде положение, потребовал организовать отпор противнику. При этом Каверин написал, что казачьим полкам будет оказано содействие со стороны местных кордонов, о чем он сделал предписания медынскому предводителю и исправнику^{xxiv}.

Сложность ситуации в пограничных уездах Калужской губернии усугублялась еще и тем, что помимо партий противника на их территории бесчинствовали и мародеры из русских войск, в том числе и казаки. Так, 30 августа боровский городничий рапортовал Каверину, что «сего числа появились в нескольких улицах мародеры из казачьих полков, начали пугать жителей, что французы идут, и чтоб они выезжали как наивозможно скорее, с тем намерением, дабы после разграбить город и сжечь, но проезжающие верейские жители узнали сих варваров, кои успели злодейски поступить с их городом, предостерегли наших обывателей, которые озлобясь на их, переловили и с помощью моей едва обезоружили оных»^{xxv}. Учитывая то обстоятельство, что в это время вблизи Боровска могли находиться казаки Быхалова, следовавшие через Верейский и Медынский уезды, можно предположить, что пойманные в городе мародеры были из состава этих полков.

Примерно 31 августа Каверин написал Кутузову донесение, в котором указывал, что казачьи полки Быхалова, «следуя через медынскую округу в Кременской волости потравили на поле хлеб и производили грабеж, когда же старшины пришли к господину полковнику жаловаться: то вместо удовлетворения приказал их высечь и взято казаками с крестьян по таковому ж пристрастию 250 руб. и выслали всех крестьян из своих домов. Из подобных грабителей 70 человек переловлены крестьянами и представлены в Калугу, донеся о

сих только двух случаях вашей светлости время и обстоятельства заставляют умалчивать о многих до меня доходящих грабежах казаками производимых, к удержанию же их от таковых дебошей, и дабы более сделать их полезными в предназначенном употреблении не благоугодно ли будет вашей светлости отдать их в команду господина генерал-лейтенанта Шепелева». Хотя данное донесение и не было отправлено Кутузову (об этом свидетельствует отсутствие на черновике исходящего номера и даты), Каверин сумел достичь своей цели - Быхалов приступил к исполнению предписания Шепелева и направил деятельность своего отряда на защиту пограничных уездов Калужской губернии. Об этом калужский губернатор сообщил медыньскому исправнику в ордере от 2 сентября. «Почему и предписываю вам, – писал он, – чтобы вы меньше боясь пустых слухов делали с своей стороны всевозможные тому полку пособия, а жителям бы тех мест объявили, что они с помощью сего полка могут бродяг истребить». Правда, из недостаточно ясной фразы, написанной Шепелевым в отношении от 2 сентября, губернатор посчитал, что в Медыньский уезд направился не Быхалов, как это было на самом деле, а Тимиров^{xxvi}.

Кроме полков Быхалова в конце августа в Медыньском уезде находилась партия казаков 1-го Бугского полка под командой хорунжего Ромаданова. Однако вместо того, чтобы вступить в противоборство с противником, она попала в руки крестьян села Егорье. Давыдов вспоминал, что «за два дня до моего прихода в село Егорьевское, что на дороге от Можайска на Медынь, крестьяне ближней волости истребили команду Тептярского казачьего полка, состоящую из шестидесяти казаков. Они приняли казаков сих за неприятеля от нечистого произношения ими русского языка». Если

учесть, что отряд Давыдова вступил в медынский уезд 27 августа, а 28 числа был в Медыни, то описанные им события происходили примерно 25 августа. Однако партизан сообщил неточные сведения о составе команды и ее судьбе. 1 сентября калужский губернатор написал судье Медынского уездного суда о «взятой в медынской округе в селе Егорье казачьей команде без письменного вида и маршрута причинявших якобы страх обывателям разглашением о скором прибытии к обывателям французов и о прочем», а также о поданном Шепелеву «от командира оной команды 1-го Бугского казачьего полка хорунжего Ромаданова рапорта со изъяснением жалобы своей на наглости и даже тиранство крестьян». Вследствие этого Каверин предписал судье произвести следствие и выявить виновных. В тот же день губернатор просил Шепелева направить в Медынь с военной стороны депутата, препроводив при этом к нему «открытое предписание оному хорунжему с казаками к отысканию своего полка, для выдачи им по окончании того о них следствия». Но, вероятно, никакого следствия произведено не было, так как уже 1 сентября началась эвакуация присутственных мест, в том числе и Уездного суда^{xxvii}. Поэтому партия Ромаданова, по всей видимо видимости, получив открытое предписание губернатора, направилась в Юхновский уезд на соединение с отрядом Тимирова.

Этот отряд в начале сентября продолжал действовать в Юхновском уезде; наблюдая дорогу из Вязьмы в Калугу, он так же посылал разъезды к Гжатску и Мосальску. К северо-востоку от Тимирова, в с. Скугорево Гжатского уезда с 29 августа расположился отряд Давыдова. 2 сентября он совершил свой первый набег на Смоленский тракт, а позже перебазировался в северную часть Юхновского уезда. Попутно заметим, что всего в 8 км к северо-востоку

от первого «притона» Давыдова в Скугорево в то же самое время обосновался в д. Басманово бежавший из плена драгун Е.В. Четвертаков, который со своей крестьянской дружиной начал истреблять фуражиров и мародёров в соседних селениях.

Получив предписание Шепелева, Быхалов 31 августа со своим полком выдвинулся к Полотняному Заводу для прикрытия дороги из Можайска в Калугу и приступил к наблюдению путей сообщения в направлении Юхнова и Мосальска. В противоположную сторону, к Боровску и Малоярославцу, Быхалов направил полк Комиссарова. Таким образом, командированный первоначально в Юхновский уезд отряд Быхалова был на месте переориентирован калужскими властями на оборону Медынского и Боровского уездов Калужской губернии^{xxviii}. В то время как отряд Давыдова преимущественно нападал на коммуникационную линию противника, перед Быхаловым и Тимировым стояла задача по охране путей сообщения и уничтожению стремившихся в южном направлении неприятельских фуражиров и мародеров.

Тептярский и Бугский полки вели активную борьбу с этими партиями. 8 сентября из Юхновского земского суда в Калугу были направлены «представленные в сей суд от начальников казачьих полков и жителей уезда взятые ими мародеры 79 человек». 9 сентября юхновский городничий рапортовал калужскому губернатору об отправлении в Калугу 87 военнопленных, доставленных к нему от майора Тимирова. В тот же день шеф Тептярского полка сообщил Шепелеву, что его отрядом было убито 87 и в плен взято 98 чел. Вероятно, еще до поступления в отряд Давыдова, от Тимирова в Юхнов был препровожден 51 пленный. Эти военнопленные были направлены в Калугу 13 сентября при рапорте городничего^{xxix}. Итак,

сохранившиеся документы позволяют констатировать, что отряд Тимирова с 26 августа по 11 сентября захватил в плен более 150 чел., уничтожив при этом около 100 неприятелей.

Помимо борьбы с неприятелем казаки Тимирова, вероятно, занимались еще выполнением полицейских функций. После включения по приказу Кутузова Ельнинского уезда в управление калужского губернатора Каверин предписал явившемуся в Калугу заседателю Земского суда Бибикову вернуться в Ельню, восстановить деятельность гражданской администрации и организовать в уезде истребление неприятельских мародеров. Однако, как писал Каверин 3 сентября Шепелеву, Бибиков «объясняет мне, что проходившие неприятеле и остающиеся мародеры там поселили особенно в крестьянах понятия независимости, и тем до такой степени ослабили власть начальства ими управляемую, что теперь без воинской команды и в пределы оной округи ни с какими увещеваниями войти невозможно». Поэтому губернатор предложил командующему войсками в губернии «из близ находящейся к Ельнинской в Юхновской округе казаков, приказать отрядить в его (Бибикова. – *авторы*) распоряжение хоть одну сотню, по крайней мере для безопасного вступления ему Бибикову в самый край оной округи, из которой сможет он, сделавши начало, постепенно распространить власть свою далее, приведя крестьян в надлежащее повиновение и послушание»^{xxx}.

Но самостоятельная деятельность отряда Тимирова оказалась недолгой. Узнав «о бродящих без общей цели двух слабых казачьих полках в Юхновском уезде» Давыдов задумал присоединить их к своему отряду. Прибыв 8 сентября в Юхнов он на следующий день направил Шепелеву соответствующий рапорт. На представление Давыдова командующий войсками в Калужской губернии дал свое

согласие и передал ему эти полки в подчинение; предписание об этом было получено в Юхнове вечером 10 сентября. 11 сентября партия Давыдова выступила из города в с. Знаменское, где вечером и присоединила к себе отряд Тимирова^{xxxі}.

После включения Тептярского и Бугского полков к отряд Давыдова Тимиров со своим полком продолжал пользоваться определенной самостоятельностью. Так, 13 сентября отрядом Давыдова под Вязьмой было взято в плен 276 чел., а «майором Темировым, посланным с особою партией», убито до 100 чел., захвачено 12 чел. и 1 фура. Согласно рапортам Давыдова Шепелеву от 18 сентября и Коновницыну от 21 сентября, партия Тептярского полка, действуя под Вязьмой в отрыве от его основных сил, разбила неприятеля у д. Капустина в 8 км. к востоку от Семлево, захватила 44 (125) чел., ящик с пушечными зарядами и, «по приказанию же моему сколь можно менее брать в плен, до 100 человек положил на месте». Давыдов с отрядом в тот день находился в с. Покровское. Благодаря этому рапорту Давыдова фамилия Тимирова впервые появилась в «Журнале военных действий»^{xxxіі}. Кроме того, находясь в подчинении Давыдова, Тимиров продолжал самостоятельно отправлять взятых им пленных в Юхнов. Об этом свидетельствуют рапорты юхновского городничего калужскому губернатору от 15 и 16 сентября. В них сообщалось об отправлении в Калугу доставленных от Тимирова в первом случае 54 военнопленных, а во втором 77 пленных и 2 дезертиров-пруссаков. При этом указывалось, что они были «забраны» в Юхновском уезде. Лейтенант 5-го вестфальского полка Й.Ф. Гиссе записал в дневнике 15/27 сентября, что несколько дней назад посланные из Славково на реквизицию сержант, капрал, 20 пехотинцев и несколько гусар 1-го вестфальского полка были захвачены в плен рыскающими по округе

казаками^{xxxiii}. Поскольку отряд Давыдова действовал тогда в другом месте, это нападение совершили именно тептярцы 13/25 сентября. Таким образом, находясь в подчинении Давыдова, Тептярский полк продолжал действовать как отдельная партия. В пользу этого говорит отсутствие в «Дневнике партизанских действий» не только характеристики офицеров Тептярского полка, но и описания его участия в боевых действиях с неприятелем.

По предписанию Кутузова от 25 сентября был сформирован 5-тысячный «корпус» из регулярных войск, казаков и ополченцев с целью прикрыть Брянск, очистить Рославль и делать поиски в Рославльском и Ельнинском уездах. В его состав был включен и Тептярский полк. Предписание Шепелева о направлении полка к Рославлю Давыдов получил 23 сентября^{xxxiv}. В то же время, Бугский полк был оставлен в его отряде. Видимо, в отряде остался и кое-кто из тептярей. Так, описывая нападение 15/27 сентября, Давыдов упомянул, что в партии майора Храповицкого помимо гусар и донских казаков состояли 20 татар, а донося Коновницыну о крупном деле 4 октября к западу от Вязьмы, он, в частности, написал, что 1-го Тептярского полка есаул Хамин Сачитов преследовал обратившуюся в бегство неприятельскую кавалерию и взял в плен 16 чел.^{xxxv}

6 октября Шепелев донес из Калуги Кутузову о получении рапорта Тимирова, с извещением о занятии Тептярским полком Рославля. Сведения из этого рапорта вошли в «Журнал военных действий», где сообщалось, что 23 сентября Тимиров при с. Мутищеве (Мытищина Юхновского уезда) и д. Капустиной уничтожил конную заставу неприятеля из 60 человек. В этой схватке был ранен пятидесятник и пострадало 28 лошадей. 24 сентября у д. Забежное (23 км к юго-востоку от Ельни), а на другой день у д. Устиново (18 км к

юго-востоку от Ельни) Тептярский полк истребил 70 неприятелей. 26 и 27 сентября при с. Костыри (24 км к северо-востоку от Рославля), «напав на заставу польских шасеров 1-го конного полка, состоявшую из 50 человек, 21 из них убил на месте и 6 взял в плен; причем ранены 2 казака, убиты и ранены 31 казачья лошадь». Тимиров узнал, что в с. Ступине находятся 2 эскадрона и 2 роты, которые раньше приходили в Рославль^{xxxvi}. Это был отряд фуражиров под командой полковника Ж.П. Деллара, куда входил и отряд 1-го польского конно-егерского полка.

В Рославле Тимиров соединился с отрядом 5-го пешего казачьего полка Калужского ополчения. Вместе с ополченцами Тептярский полк принял участие 15 и 16 октября в бою при с. Семиново и Ступине Рославльского уезда и преследовании неприятеля до с. Хмары. В ходе этого столкновения было уничтожено 70 и взято в плен 95 чел. В конце октября Тептярский полк вместе с частями корпуса Калужского ополчения выступил в Могилевский уезд, где оставался до конца 1812 г.^{xxxvii}

Итак, отряд Тимирова более двух недель действовал самостоятельно на территории Юхновского уезда, прикрывая важную дорогу из Вязьмы в Калугу и ведя активную борьбу с партиями неприятельских фуражиров и мародёров. С 11 сентября отряд Тимирова вошел в подчинение Давыдова и, фактически, перестал существовать. При этом Бугский полк, находившийся при главных силах Давыдова, перешёл к партизанским действиям, а Тептярский полк составил отдельную партию и самостоятельно решал поставленные ему оборонительные задачи вплоть до соединения в Рославле с частями Калужского ополчения.

В свою очередь полки под командованием Быхалова, после остановки их 31 августа в Медынском уезде, развернули свою

деятельность в пределах Калужской губернии. В рапорте, написанном предположительно утром 1 сентября, Быхалов сообщил Шепелеву, что направил к Гжатску, Мосальску и Боровску три партии, которые не обнаружили неприятеля, «а по слухам известив, что части оного по деревням вдоль дороги Мосальской и Гжатской волочатся и селения грабят, ближе города Юхнова стоит Тептярского казачьего полка майор Тамарский с двумя полками и оттоль по дороге Гжатской и Мосальской делает свои разъезды». Для истребления противника показавшегося в Медынском уезде и наблюдения дороги из Можайска на Калугу Быхалов тогда же отправился со своим полком, а полк Комиссарова расположил от Полотняного Завода к Малоярславцу и Юхнову, для связи цепи с отрядом Тимирова^{xxxviii}. Но уже 1 сентября казакам удалось отличиться, о чем 3 сентября Шепелев рапортовал Кутузову. Узнав о появлении противника в 20 верстах от Медыни на заводе купца Маслова, Быхалов со своим полком утром 1 сентября покинул уездный город. Придя на завод, он нашел его горящим. Продолжив движение, Быхалов наткнулся у д. Образцово на неприятельский отряд, состоявший из пехоты и кавалерии. Полк ударил на неприятеля, опрокинул его и преследовал более 15 км. В ходе боя, по данным Быхалова, в плен было взято 54 чел. и «довольное количество» поколото. У казаков были ранены урядник, казак и 10 лошадей. По сведениям начальника кордонов Медынского уезда в этом бою было взято в плен 52 и убито 32 неприятеля. Отряженная по Можайской дороге команда в с. Якушкино и Кобылино (Кобелева) взяла в плен 14 чел., потеряв 2 казаков ранеными. Примерно в то же время партия казаков вместе с крестьянами напала на команду фуражиров в с. Кременское. В этой схватке противник потерял 16 чел. убитыми и 14 пленными^{xxxix}.

Полк Быхалова вышел на дорогу к Верее и 4 сентября напал на противника, располагавшегося в д. Никитское, Лыково и Двор Баталиев. Выбив из них неприятеля казаки продолжали преследование до медынской границы – села Дунино. В рапорте Шепелеву от 5 сентября Быхалов сообщил, что в ходе боя им было убито более 50 чел. и 47 взято в плен, в том числе капитан, 2 унтер-офицера и сержант. В качестве трофеев были взяты церковные вещи, которые, вместе с пленными, были препровождены в Калугу. У казаков один человек получил ранение и «жестоко» пострадал офицер, который впоследствии скончался. Кроме того, было убито 5 и ранено 8 лошадей. В направленном 5 сентября Шепелеву рапорте Быхалов указал отличившихся в деле офицеров и нижних чинов, прося у командующего войсками в Калужской губернии исходатайствовать им награды^{х1}. Можно предположить, что в бою 4 сентября был уничтожен неприятельский отряд, бесчинствовавший с 28 августа на севере Медынского уезда.

По данным медынского кордонного начальника партия донских казаков при поддержке крестьян уничтожила неприятельских фуражиров у с. Никитского. При этом было убито 50 чел. и в плен взято 38. Этот бой, вероятно, происходил 8 сентября. Лопатин донёс губернатору, что 9 сентября казачья партия под командой капитана Александрина вместе с жителями разбила в с. Никитском и д. Якушине отряд неприятельских фуражиров из которых 15 чел. были взяты в плен и препровождены в Медынь. В ходе боя уничтожено до 30 неприятелей. Шепелев сообщил Кутузову, что 10-го числа Быхалов уничтожил 70 и пленил 37 чел. 12 сентября кордонный начальник рапортовал губернатору о доставлении в уездный город 183 фуражиров, взятых Быхаловым в плен 10 и 11 сентября. При этом было

убито более 150 чел.^{xli}

В рапорте Кутузову от 17 сентября Шепелев высоко оценил деятельность донских казаков в Медынском уезде и просил наградить отличившихся. Он писал, что Быхалов «пять раз с одним своим полком вступал в действие с неприятелем, а именно августа 26, сентября 1, 5 (т.е. 4 – авторы), 8 и 11 (10 и 11. – *авторы*) чисел. При всех сих случаях взято им в плен 751 человек и несравненно большее число поколото. С нашей стороны, благодарение Промыслу, урон малозначителен, но важен потерю одного храброго офицера, смерть коего по преданности казаков к мужеству его, злодеям нашим очень дорого досталась. Главная же потеря состоит в лошадях, но и та заменена остающимися после убитых французов»^{xlii}. Следует отметить, что показанная в рапорте Шепелева численность пленных несколько преувеличена. Согласно представленным выше данным, с 26 августа по 11 сентября отрядом Быхалова было взято в плен примерно 373 чел. и уничтожено более 300.

Благодаря деятельности Быхалова угроза проникновения неприятеля в Медынской уезд была устранена. Казаками при поддержке крестьян были уничтожены крупные партии противника и восстановлен порядок в пределах уезда. Несмотря на то, что начальник кордонов Лопатин в своих рапортах сообщал о борьбе с неприятельскими фуражирами, можно предположить, что главным противником Быхалова были все-таки мародеры. На это указывает наличие среди трофеев церковного имущества и жестокость, с которой неприятели обходились с мирными жителями. Важным следствием пребывания донского полка в уезде стало повышение боеспособности кордонов, которые к середине сентября были подкреплены также частями 3-го пешего казачьего полка Калужского ополчения.

Постепенно количество стычек с противником сокращалось. По данным Лопатина после 11 сентября в пределах уезда произошло всего 3 столкновения^{xliii}. В одном случае местные жители самостоятельно расправились с партией мародеров, убив при этом 5 чел. В другом – батальон 3-го полка калужского ополчения под командой майора Спафарьева, поддержанный партией казаков, напал у д. Варсобино на фуражиров численностью более 100 чел. В ходе боя было убито 38 неприятелей, а остальные обращены в бегство. Вероятно об этой экспедиции Шепелев сообщил Кутузову в рапорте от 2 октября, указывая, что в качестве трофеев «осталось 22 лошади и 10 телег с разным награбленным и собственным неприятеля багажом, из коего отнятое от наших жителей отдано им обратно, а прочее разделено между воинами»^{xliv}. Последнее крупное столкновение произошло в 20-х числах сентября, когда казаки Быхалова и крестьяне под командой начальника кордонов и земского исправника в с. Салопинках, Курове и д. Стрельной разгромили крупную партию фуражиров уничтожив примерно 210 чел. Для охраны Медынского уезда Быхалов расположил три сотни в д. Никитская, Егорий и Реткина; сам же с двумя сотнями остался в Медыни, где находился батальон ополченцев. Вскоре он выслал одну сотню казаков и 3 сотни ратников в соседние селения^{xlv}.

К концу сентября Медынский уезд был полностью очищен от неприятеля и деятельность казаков Быхалова и кордонов была перенесена в пределы Можайского уезда Московской губернии^{xlvi}. До 30 сентября партия казаков во главе с сотником и крестьяне с. Никитское вступили на территорию этого уезда и напали в с. Ельманово (Шимоново) на неприятельских фуражиров, убив при этом 25 чел. В начале октября полк Быхалова при поддержке медынских крестьян разгромил в Можайском уезде партию фуражиров у с.

Купрово Можайского уезда. В этом бою было убито более 100 чел. и 80 взято в плен. К этому времени, действуя самостоятельно, полк Быхалова истребил примерно 700 и взял в плен около 450 неприятелей.

10/22 октября полк Быхалова уничтожил до 200 чел. при с. Рябинино и д. Федоровская Можайского уезда, «а оттоль ходил к Колоцкому монастырю и под самым оным имел сражение», взяв в плен 9 чел.^{xlvii} Подробности этого дела изложены в мемуарах офицеров 2-го вестфальского батальона лёгкой пехоты: подполковника Й.Л. Бёдикера и капитана фон Линсингена. 10/22 (11/23) октября батальон возвращался из Гжатска в Можайск. Около полудня он приблизился к Колоцкому монастырю, причем туман был настолько сильным, что едва можно было видеть далее одного шага. Неожиданно раздались крики «Кзаки! Кзаки!» и множество выстрелов.

По словам Линсингена, «несколько казаков заскакали в середину нашей колонны, но, видимо, были поражены точно также как и мы». «Поражённый этим криком, — пишет Бёдикер, — я соскочил со своей тележки и с безмерным смущением увидел, что казаки находятся уже посреди авангарда и даже посреди главных сил и скачут вокруг. Своими криками и поспешным сбором ближайших солдат, мне удалось образовать вокруг моей тележки отряд, после чего я попытался спасти прочий личный состав. Поскольку мы не могли тотчас достичь монастыря, к счастью удалось занять позицию возле ветряной мельницы. Отсюда мы оказали неприятелю упорное сопротивление... Сильный туман скрывал от неприятеля наши силы, а ветряная мельница представляла хорошую позицию». Линсинген вспоминал, что Бёдикер «с людьми, которые были у него под рукой, быстро занял ветряную мельницу, в то время как я увёз обоз во двор монастыря и велел занять стены ограды. Вскоре последовала вторая, более серьёзная

атака; она была отбита как от мельницы, так и от монастыря. Мы не потеряли ни одного человека; потери казаков были также небольшими, они тотчас ускакали назад, когда встретили сильное сопротивление. Как ни быстро всё это произошло, но казаки ещё имели время забрать поклажу и лошадей у офицеров, которые находились в домах перед монастырём».

Бёдикер признавал, что «было невозможно воспрепятствовать тому, что во время боя многие раненые офицеры, находившиеся в зданиях монастыря, были совершенно ограблены. Хотя из монастыря, не делая вылазки, стреляли из орудий, но всё же безо всякого результата. Сила казаков составляла около 1200 человек, которые хотели при благоприятном (для них) сильном тумане напасть на монастырь и захватить его, но нашим движением они были захвачены врасплох, как и мы их движением». Быхалов донёс, что «неприятель пушечными выстрелами хотя меня и отражал, но три раза я его в самую крепость монастыря вгонял и напоследок со взятием в плен 2 офицеров, 5 капралов и 2 унт[ер]-оф[ицеров]»^{xlviii}.

В это же время под удар казаков попал обоз из 2 тыс. раненых и сопровождавших, выехавших 6/18 октября из Москвы на 400-500 повозках под командой генерала Жерара. Находившийся в этом обозе капитан Л. Гардьё вспоминал: «В ночь с 22 на 23 прибыли казаки, чтобы произвести внезапное нападение на наш обоз, но они были крепко приняты отрядом польской пехоты, который разместился в углах каре, которое образовали наши повозки»^{xlix}.

Итак, Быхалов совершил свой первый партизанский налёт на коммуникацию противника. Но сразу по возвращении из поиска он получил 12/24 октября сообщение из с. Егорье от капитана Александрина о том, что противник занял Верею и выслал отряд к

Медыни. 13/25 октября на подступах к городу казаки Быхалова при поддержке донских полков Г.Д. Иловайского 9-го и Иловайского 11-го разбили польский авангард 5-го армейского корпуса¹. 14 октября генералу В.В. Орлову-Денисову было приказано следовать с казачьими полками А.А. Ягодина 2-го и Траилина в Медынь, чтобы присоединить полки Быхалова и Иловайских. 16/28 октября полк Быхалова вошёл в состав сформированного под командой этого генерала «летучего корпуса» и принял активное участие в его партизанской деятельности. В известном бою при Ляхово 28 октября полк «отлично сражался при поражении неприятельской кавалерии, шедшей из Долгомостья. 30-го при деревне Бакланове и Самохваловой истребил неприятельский отряд», взяв в плен 8 офицеров, 63 унтер-офицера, 856 рядовых и захватив до 100 повозок с провиантомⁱⁱ.

Полк войскового старшины Комиссарова после 31 августа перешел в Боровский уезд, где действовал как отдельная партия. Казаки вместе с местными жителями совершили несколько удачных поисков. В отношении от 5 сентября уездного предводителя дворянства губернскому предводителю сообщалось, что 4 сентября городничий, земский исправник и Комиссаров со 100 казаками в 20 верстах от города напали на «аванпост конной гвардии», убив 10 и пленив 14 чел. Другая партия казаков, направленная по дороге к Верее, уничтожила 15 и захватила в плен 38 чел. Среди военнопленных были 2 офицера. В отношении от 7 сентября указывалось о поимке 6 числа разными разъездами казаков 18 неприятелей, которых городничий препроводил в Калугу. Таким образом, партия Комиссарова в течение примерно недели захватила 70 чел., убив при этом 25 чел. Но самостоятельная деятельность Комиссарова длилась недолго. К 12 сентября в Боровск прибыла воинская команда в составе егерского батальона Калужского

ополчения (около 600 чел.) и регулярных войск из 50 чел. Вследствие этого, начальник егерского батальона подполковник А.Ф. Сухотин возглавил все находившиеся в Боровске военные силы^{lii}.

Подчинение начальнику Боровского гарнизона не изменило круг задач, стоявших перед полком. Казаки, как и прежде, должны были прикрывать дороги и вести борьбу с неприятельскими партиями. 12 сентября городничий рапортовал Каверину, что «казаки делают беспрестанные разъезды по Новой Калужской в Москву дороге и по Верейской, коим приказано от господина Сухотина забирая всех мародеров, также наблюдать ход неприятельских войск». Тогда же городничий препроводил в Калугу 101 военнопленного, которых к этому времени захватили казаки, побив при этом «более того»^{liii}. 14 сентября уездный предводитель дворянства сообщил губернскому предводителю, что 13 числа из Боровска были отправлены несколько казачьих партий, одна из которых взяла в плен 39 чел., а другая — 13. К 21 сентября усилиями Комиссарова был захвачен еще 71 неприятель и убито до 50 чел. В рапорте Кутузову от 17 сентября Шепелев сообщил, что казаки действовали не только в Боровском, но и в Малоярославецком уездах^{liv}.

26 сентября по предписанию Кутузова полк Комиссарова был включен в состав отряда генерала И.С. Дорохова, назначенного для нападения на Верею. 27 числа эти войска прибыли в Боровск и 28-го выступили в поход. Для наблюдения за дорогами и связи с армией в городе был оставлен отряд полковника Г.А. Шостакова, в котором находился и полк Комиссарова^{lv}. Он оставался в подчинении Дорохова до начала октября. В послужном списке Комиссарова указывалось, что 7, 8 и 9 октября он принимал участие в боях при с. Малкове, находившемся на границе Боровского уезда на Новой Калужской

дороге. В это время в данный район подошёл корпус генерала Ф. Орнано (лёгкая кавалерия и 14-я пехотная дивизия 4-го корпуса). По словам генерала М. Прейзинг-Мооса, 4/16 октября он с 4-м и 5-м баварскими шволежерскими полками (400 чел.) продвинулся до Фоминского, «где осталась стоять пехота; я сам с кавалерией и одним батальоном испанцев занял позицию в получасе [пути] впереди у Малково (Malkowo)». 7/19 октября баварцы оставили Малково, но вскоре, согласно дневнику обер-лейтенанта Г. Флотова, «вольтижеры столкнулись с отрядом казаков, который последовал за нами; поддержанные двумя взводами [конных] егерей, они отбросили их без особого сопротивления и прогнали их за деревню Малкова (Masikova)». На следующий день русская «разведка около Малкова была отброшена и наши ведеты выступили за деревню, занятую двумя ротами». 9/21 октября в полдень прибыл Е. Богарне и приказал произвести рекогносцировку силами 4 кавалерийских, 1 пехотного полков и 4 пушек до с. Котово. После нескольких стычек отряд Дорохова отступил к с. Коряково. 10/22 октября 13-я пехотная дивизия А. Дельзона, имея во главе 6-й баварский шволежерский полк, вытеснила казаков из с. Малкова и Митяево и вечером заняла Боровск. «6-й полк, — записал Флотов, — провёл в Боровске прекрасную атаку на казаков, которые превосходили его более чем в шесть раз; он нанёс им потери в двадцать убитых и столько же пленных; он преследовал их через город и отбросил ещё далеко от города. По приказу дивизионного генерала Дельзона, восемь человек из полка были представлены в легионеры [ордена Почётного легиона]. Два человека из полка были ранены и один попал в плен»^{lvi}. В бою с неприятелем принимал участие и отряд Сухотина, в послужном списке которого указывалось, что он находился «при вступлении в оный (Боровск. — *авторы*) неприятельской армии в

ретираде к Малому Ярославцу при отражении части неприятельской кавалерии»^{lvii}. После занятия города противником полк Комиссарова присоединился к действующей армии.

За отличия, проявленные в борьбе с противником, командующий войсками в Калужской губернии неоднократно представлял к награждению Быхалова и Тимирова. Так, в рапорте Кутузову от 11 сентября Шепелев ходатайствовал о назначении им чина или ордена, в зависимости от решения главнокомандующего. 13 сентября Кутузов утвердил это представление, но не уточнил, какого отличия они были удостоены. В последующее время Шепелев неоднократно доводил до сведения Кутузова заслуги Быхалова и его подчиненных, а шефа и офицеров Тептярского полка 17 ноября представил к награждению за успешные действия в бою 15 и 16 октября при сельце Семиново и Ступине Рославльского уезда. При этом Тимирова Шепелев рекомендовал пожаловать орденом Владимира 4-й степени с бантом^{lviii}.

Анализ документов отражающих деятельность отрядов Тимирова и Быхалова позволяет констатировать, что во время отступления русских армий от Смоленска к Бородину для прикрытия путей сообщения в южном направлении было командировано четыре казачьих полка, основная деятельность которых развернулась в пределах Медынского и Боровского уездов Калужской, Можайского уезда Московской и Юхновского уезда Смоленской губерний. И если отряд Тимирова действовал самостоятельно более двух недель, то Быхалов вел борьбу почти полтора месяца. При этом, уже к началу сентября у Быхалова остался только его полк, в то время как полк Комиссарова вошел в состав Боровского гарнизона. За время самостоятельной деятельности казачьими отрядами было уничтожено более 1000 и около 700 человек взято в плен. В результате своей

деятельности отряд Тимирова не допустил движения партий противника по Вяземской дороге, а отряд Быхалова спас от разорения Медынский и Боровский уезды, и приступил к уничтожению противника в Можайском уезде. Таким образом, казачьи полки не только вели активную борьбу с неприятелем, но и оказали существенную помощь в защите уездов Смоленской и Калужской губерний.

Внимательно проанализировав приведённые выше факты, мы пришли к выводу, что отряды Быхалова и Тимирова не являлись партизанскими. Оба отряда опирались на поддержку «поголовного ополчения» Юхновского, кордонов Медынского и Боровского уездов, и занимались тем же, что и данные формирования: разыскивали, преследовали, уничтожали и брали в плен мародёров, фуражиров, дезертиров. Они обороняли отведённую им территорию, совершая поиски и разъезды в рамках одного-двух уездов, в нейтральной, «прифронтовой» полосе. Партизаны же имели другое предназначение. Давыдов прямо писал: «Обязанность моя не состояла в поражении бродяг, но в истреблении транспортов жизненного и военного продовольствия французской армии». Истребление фуражиров и мародёров было делом крестьян, которых Давыдов наставлял в этом деле. Он писал, что истребление бродяг «более было делом поселян, нежели партий», а далее переходил «к главному предмету партизанского действия, а именно к похищению и истреблению неприятельских подвозов с боевыми и съестными припасами, отрядов, команд и войск, проходящих в армию или из оной»^{lix}.

Оба интересующих нас отряда, как и отряд подполковника Дибича 1-го, располагавшийся в г. Белом, можно, в соответствии со словоупотреблением той эпохи, называть «охранными» или

«охранительными». Их можно было бы назвать и «заградительными отрядами», если бы практика Второй мировой войны не придала этому определению вполне однозначный и не очень положительный смысл. С другой стороны, как весьма мобильные формирования, казачьи полки были наиболее пригодны для совершения партизанских налетов. Так, полк Быхалова совершил набег на госпиталь в Колоцком монастыре. Но эксклюзивность этого случая не позволяет назвать его отряд партизанским. Если полки 1-й Тептярский и Комиссарова на протяжении всего рассматриваемого периода выполняли только «охранительные» задачи, то полки 1-й Бугский и Быхалова начали «партизанить» после того, как вошли в состав соответственно «партии» Давыдова и «летучего корпуса» Орлова-Денисова.

Такое тесное переплетение двух видов боевой деятельности этих отрядов убеждает нас в правильности вывода, сделанного ещё в 2000 г.^{lx} Тогда было предложено применительно к войне 1812 г. под понятием «малая война» разуметь сочетание «партизанских действий» и «народной войны», которое реально существовало в Смоленской, Калужской, Московской и Черниговской губерниях. Такой подход позволит избежать существующего до сих пор совершенно неоправданного отождествления понятий «партизанская» и «народная война»^{lxi}.

Примечания

ⁱ Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11-12. С. 395; *Давыдов Д.* Сочинения. М., 1962. С. 324-35.

ⁱⁱ Быхалов Андрей Иванович (1756/57–1815) происходил из казачьих Войска Донского детей. Службу начал казаком 19 февраля 1770. С 1 декабря 1783 – сотник. Участник Русско-турецкой войны 1787–1791. За штурм Очакова и Измаила награжден золотыми знаками. 30 мая 1788 получил чин поручика, 22 декабря 1789 — капитана, 11 декабря 1790 – секунда, 21 июля 1794 – примьер-майора. В 1792

находился на Польской границе. С 11 марта 1798 – подполковник, с 22 апреля 1799 – полковник. В 1799 служил на Кавказской линии. Комиссаров (Камисаров) Дмитрий Дементьевич происходил из казачьих Войска Донского детей. Службу начал казаком 1 января 1774. В 1777 служил в Польше, в 1782 – на Кавказской линии. Участвовал в Русско-шведской войне 1788-1790. С 1 сентября 1790 – хорунжий, с 26 марта 1792 – есаул. Войсковой старшина с 22 сентября 1798. В 1801 принимал участие в «походе в Индию». Участник Отечественной войны 1812 и Заграничного похода 1813–1814. С 28 ноября 1813 – подполковник. Награжден орденами Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость» (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3293. Л. 2-3, Послужной список за 1799; Д. 3477. Л. 3-4. Послужной список за 1813). Послужные списки были выявлены и любезно предоставлены авторам сотрудником ГА РФ И.С. Тихоновым.

Тихоновым.

ⁱⁱⁱ *Васильев А.А., Елисеев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 г.: Состав войск и численность. М., 1997. С. 62 (Далее: Васильев, Елисеев); Подмазо А.А. Российская армия в июне 1812 г. // Родина. 2002. №8. С. 63, 64, 69.

^{iv} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XIV. СПб., 1910. С. 200-01, 212 (далее: ВУА).

^v ВУА. XIV. 215, 255, 257-58; XVI. 1-2; *Wedel C.* Geschichte eines Offiziers... Berlin. 1897. S. 64.

^{vi} *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 г. // Труды Московского отдела императорского русского военно-исторического общества. М., 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 57, 64, 69, 77, 269-74, 295, 308, 372-73, 548-49 (далее: Поликарпов. Календарь); ВУА. XVI. 40; Донские казаки в 1812 г.: Сб. док. Ростов на Дону, 1954. С. 83, 138, 157; М.И. Кутузов: Сб. док. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 105-06 (далее: Кутузов. IV. 1/2); Секретная переписка генерала П.И. Багратиона // 1812-1814. М., 1992. С. 124 (далее: Переписка Багратиона).

^{vii} *Поликарпов.* Календарь. 509, 522-523; Бородино. Путеводитель. М., 1975. С. 25, 29; Васильев, Елисеев. 35, 50.

^{viii} Труды ИРВИО. Т. IV. Кн. 2. СПб., 1912. С. 88-89; Государственный архив Калужской области (далее: ГАКО). Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 43, 15. Это были солдаты из 2-го или 3-го батальона испанского полка «Жозеф Наполеон» из 2-й пехотной дивизии.

^{ix} Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 21 об.

^x *Васильев, Елисеев.* 62.

^{xi} *Давыдов.* С. 326; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 157.

^{xii} Поручик И.Т. Родожицкий вспоминал, что в день Бородинского сражения он видел на перевязочном пункте раненого «татарина, тептярского казака» (Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 390).

^{xiii} ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.580. Л.1. Цитируемый документ — протокол заседания высших гражданских и военных чинов в Калуге (сохранился первый и последний лист). На заседании рассматривался целый комплекс вопросов, в т.ч. и секретное предписание Багратиона. На первом листе стоит дата «1812 года августа 7 дня» (цифра 7 вписана другими чернилами), однако она не может считаться

достоверной, так как в тексте документа уже упоминается главнокомандующий армиями М.И. Кутузов.

^{xiv} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 27; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 20.

^{xv} Записки А.П. Ермолова: 1798–1826 гг. М., 1991. С. 180.

^{xvi} Калужский государственный объединенный краеведческий музей, Инв. № КП 12176/3; Булычев Н.И. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии: Калужское дворянское ополчение. Калуга, 1910. Приложение. С. 12-13.

^{xvii} «Юхновский уездный Предводитель дворянства Храповицкий с партией тамошнего ополчения перешедши чрез Угру и став на берегу, заслонил дорогу из Вязьмы в Калугу» (Летопись калужская. Калуга, 1991. С.75).

^{xviii} Переписка Багратиона. 123-124. Предполагаемая экспедиция на Верею наверняка не состоялась, ибо известно, что Дуванов был тяжело ранен 24 августа при Шевардино (Переписка Багратиона. 199. Прим. 182).

^{xix} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 15.

^{xx} *Тихонов И.С.* Неизвестное письмо Дениса Давыдова // Отечественные архивы. 1992. №5. С. 82-83; *Давыдов.* 242; ГАКО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 11, Л. 58; Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 11.

^{xxi} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 10; Труды ИРВИО. IV. 2. 89.

^{xxii} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 22, 11, 25; Ф. 79. Оп. 1. Д. 37. Л. 517; *Ассонов В.И.* В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Калуга, 1912. Сборник документов. С. 25. №1, 2.

^{xxiii} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 28.

^{xxiv} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 20; ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 23.

^{xxv} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 21.

^{xxvi} Там же. Л. 27, 45.

^{xxvii} *Давыдов.* 536. Прим. 89; ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 41, 42, 46.

^{xxviii} РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 20; ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 43; *Давыдов.* 319-20.

^{xxix} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 511. Л. 4, 8, 59; Народное ополчение. 146.

^{xxx} Там же. Д. 566. Л.11.

^{xxxi} РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 2. Л. 618-618 об.; Д. 5. Л. 6-6 об.; Народное ополчение. 147; *Давыдов.* 326.

^{xxxii} ВУА. XV. 33; XVIII. 116; Партизаны Кутузова // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 130-31; Кутузов. IV. 1. 382; *Давыдов.* 329.

^{xxxiii} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 511. Л. 94, 145; *Gieße F.* Kassel – Moskau – Kustrin. 1812-1813. Tagebuch während des russisches Feldzuges... Leipzig. 1912. S. 129.

^{xxxiv} Кутузов. IV. 1. 378; Народное ополчение. 149, 156-57; *Давыдов.* 335.

^{xxxv} ВУА. XVIII. 116; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 506.

^{xxxvi} Кутузов. IV. 2. 73; Народное ополчение. 151.

^{xxxvii} Народное ополчение. 161; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 33.

^{xxxviii} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 510. Л. 43.

^{xxxix} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 20; ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л.

230.

^{xl} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 17. Кордонный начальник Медынского уезда указывал, что в этом столкновении донские казаки действовали совместно с крестьянами против неприятельских фуражиров (ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 231-231 об.).

^{xli} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 511. Л. 14, 20; Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 233 об., 235; Народное ополчение. 146.

^{xlii} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 21, 22.

^{xliii} ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 237-38.

^{xliv} Народное ополчение. 151.

^{xlvi} ВУА. XIX. 18-19.

^{xlvii} ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 241-242.

^{xlviii} Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11-12. С. 395; ВУА. XV. 47; XIX. 44; Кутузов. IV. 2.133.

^{xlviii} *Bödicker L.* Die militär Laufbahn... // Beihefte zum Militär-Wochenblatt. 1880. Hft. 5-6. S. 275; Auszug aus dem Tagebuch des Hauptmans von Linsingen... // Beihefte zum Militär-Wochenblatt. 1894. S. 288-89; ВУА. XIX. 44; Кутузов. IV. 2.133.

^{xlix} *Gardier L.* Journal de la campagne de Russie en 1812. Paris. 1999. P. 57, 60.

^l Подробнее см.: *Попов А.И.* Дело под Медынью // От Тарутино до Малоярославца. Калуга. 2002. С. 159-69

^{li} РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 8. Л. 58 об.-59.

^{lii} ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 511. Л. 23, 47; Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 231 об, 233; Д. 135. Л. 3-5.

^{liii} Там же. Ф. 32. Оп. 19. Д. 511. Л. 23; Ф. 260. Оп. 1. Д. 187. Л. 236.

^{liv} Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 135. Л. 16; Д. 187. Л. 237; Народное ополчение. 147.

^{lv} *Попов А.И.* Налет отряда И.С. Дорохова на Верею // II этап Отечественной войны 1812 г. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец. 1997. С. 54-55.

^{lvi} *Preysing-Moos M.* Tagebuch. München. 1912. S. 18-20; *Flotow G.* Journal des Opérations de la division Preysing // *Fabry G.* Campagne de Russie. 1812. T. III. Paris. 1902. Ann. P. 206-07.

^{lvii} ГАКО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 46. Л.5-6.

^{lviii} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 61. Л. 21, 26; Народное ополчение. 145-46, 162.

^{lix} *Давыдов.* 295, 297, 322.

^{lx} *Попов А.И.* Партизаны 1812 г. // Исторические исследования: сб. научных трудов. Вып. 3. Самара. 2000. С. 86-87; *Он же.* Партизаны и народная война в 1812 г. // Отечественная война 1812 г.... Можайск. 2000. С. 190.

^{lxi} Ф. Гершельман отметил, что «народная война тоже имеет характер партизанских действий», но лишь по форме: «Эта общность наружной формы, кажущееся сходство, заставляет некоторых смешивать эти два понятия... Но народная война составляет средство вполне самостоятельное, совсем отдельное от партизанской войны. Два эти средства... могут существовать рядом, могут находиться в связи одно с другим, — тем не менее они никогда не сливаются». «Партизанская война, — писал он, — развивает и поддерживает народную войну. В этом-то и выражается новая сторона значения партизанской войны. При этом надо заметить, что

партизанская война, поддерживая и разжигая народное восстание, всё-таки не сливается в 1812 году с народной войной, а, так сказать, самостоятельно существует рядом с нею, хотя, в свою очередь, и опирается, в некоторой степени, на народную войну». Н. Михневич писал, что «партизанскими действиями надо называть самостоятельные действия легких отрядов, отделяемых от армии, преимущественно в тыл и на фланги противника, с главною целью парализовать все жизненные отправления неприятельской армии». Он отмечал, что успех партизанского действия основывается главным образом на неожиданности. «Неожиданность же появления перед противником основывается на скрытности и на быстроте всех движений. Это обстоятельство уже само по себе указывает на состав партизанских отрядов — это должны быть лёгкие, подвижные отряды, то есть составленные преимущественно из кавалерии». Кордоны не обладали такой мобильностью (*Гершельман Ф.* Партизанская война. СПб., 1885. С. 14-17, 94; *Михневич Н.П.* Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 г. СПб., 1888. С. 2-3, 13, 47).